Л. Афанасьев, № 188а. Народные русские сказки. Изд. 3, т. II, 1897, стр. 282.

М. Смирнов, № 192. Ук. соч., вып. 2, стр. 541.

Н. Ончуков, № 49. Северные сказки. СПб., 1909, стр. 135.

О. Смирнов, № 18. Ук. соч., вып. 1, стр. 127.

П. Ончуков, № 217. Ук. соч., стр. 485.

Р. Ончуков, № 212. Ук. соч., стр. 482.

Русские варианты сказки о мудрой деве этой второй группы отличаются большим разнообразием, которое объясняется тем, что перед нами только отдельные звенья нескольких форм сказки, каждая из которых прошла свой длинный путь развития. Но сопоставление этих вариантов показывает, что все они объединяются в родственную группу одним весьма характерным композиционным признаком: все они имеют в различных сочетаниях ряд иносказательных изречений девушки, цель которых— обнаружить ее мудрость. Эти изречения представляют собою неустойчивое, но совершенно определенное композиционное ядро первой части сказки: обнаружения мудрости девушки. Н. П. Андреев выделяет эту группу иносказательных изречений в самостоятельный сказочный сюжет под № 921 („Умные ответы", „Невестины загадки" и пр.). Действительно встречаются вполне законченные народные рассказы, в основе которых лежит это ядро иносказательных изречений. Но существовало ли оно отдельно и позже проникло в сказку о мудрой деве или, наоборот, оно сложилось в процессе развития сказки о мудрой деве и в отдельном виде является только ее фрагментом, — этот вопрос еще не решен в специальной литературе.

Сюжет сказки в целом в этой группе вариантов, по сравнению с первой группой, представлен значительно полнее: мудрая дева выходит замуж за царя (воеводу, барина и пр.), нарушает данное ею при вступлении в брак обещание не вмешиваться в дела мужа, вынуждена вследствие этого оставить мужа и, благодаря своей мудрости, вновь соединяется с ним.

Если сравнить сказку о мудрой деве, как она представлена второй группой русских вариантов ее, с соответствующей частью повести о Петре и Февронии, то окажется, что сходство между ними захватывает и идею произведений — признание примата разума в жизни человека, и общие линии сюжета, и ряд отдельных эпизодов с их устойчивым словесным выражением. Нас не должно смущать то обстоятельство, что это сходство становится особенно очевидным только тогда, когда мы учитываем всю совокупность вариантов сказки: каждый из них в отдельности сохранил какие-либо черты той формы сказки, которая в свое время оказалась прототипом второй части повести о Петре и Февронии.

Царь, воевода, барин, жених и пр. сказки и слуга князя Петра повести является в дом незнакомой крестьянской девушки. Он застает ее дома одну, за работой; она не ожидала прихода постороннего чело-